
Е. А. КОВАЛЬ

**МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
«ХОРОШЕГО ОБЩЕСТВА»:
ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ***

Статья посвящена актуальной проблеме определения конструктивных и общепризнанных направлений развития российского общества. Объектом исследования является «хорошее общество» как перспективная модель, задающая цели общественного воспроизводства и развития. Под «хорошим обществом» понимается достижимое общество, обладающее таким набором ценностно-нормативных и институциональных признаков, который обеспечивает восприятие большинством граждан такого общества как хорошего, пригодного не для выживания, но для достойной жизни. Анализируются модели «хорошего общества» У. Липманна, Дж. К. Гэлбрейта, Л. Кенурти, А. Энциони, В. Г. Федотовой. Предлагается авторская трактовка совокупности признаков российской «хорошего общества» на основе использования системного методологического подхода. Описывается проблема выявления исключенных групп, чье участие в конструировании «хорошего общества» представляется нежелательным. Анализируются перспективы популяризации концепта «хорошего общества» в российском публичном пространстве и вовлечения в дискуссию относительно ценностно-нормативных параметров российской версии «хорошего общества», главным образом поколений, которые Х. Ортега-и-Гассет характеризует как «вступление в жизнь и господство».

Ключевые слова: «хорошее общество», либеральная модель, коммуитаристская модель, стабильность, безопасность, развитие, исключенные группы, социальное доверие, норма.

The article is devoted to the urgent problem of defining the constructive and universally recognized trends in the development of the Russian society.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Нормативные основания «хорошего общества»» (грант Президента РФ МК-5295.2016.6).

The object of the study is “a good society” as a perspective model setting the goals of social reproduction and development. “Good society” is an achievable society that has a certain set of value-normative and institutional features. Most citizens perceive this kind of society as good and suitable not for survival, but for a decent life. The article analyzes models of “good society” by W. Lippmann, J. Galbraith, L. Kenworthy, A. Etzioni, and V. Fedotova. The author suggests her own interpretation of the combined features of the Russian “good society” based on the use of system methodological approach. The problem of identifying the excluded groups is described. These are groups whose participation in the construction of a “good society” is undesirable. The author analyzes the perspectives for popularizing the concept of “good society” in the Russian public space and drawing into the discussion about the value-normative parameters of the Russian version of the “good society”, mainly the generations that Ortega-y-Gasset describes as entering into life and domination.

Keywords: *“good society”, liberal model, communitarian model, stability, security, development, excluded groups, social trust, norm.*

Существующие политико-экономические системы и социальные структуры в настоящее время переживают серьезные испытания на прочность. В условиях информационных и классических войн и конфликтов иного масштаба, смещения ценностных ориентиров, религиозных пассионарных всплесков, правовых пертурбаций, нерешенности глобальных экологических проблем любому обществу сложнее быть хорошим, чем когда-либо.

Протестная активность граждан, например антикоррупционные митинги, прошедшие в ряде российских городов 26 марта 2017 г., и реакция, последовавшая за ними, являются яркой иллюстрацией несопоставимых между собой представлений разных социальных групп о ближайших перспективах развития российского общества. Граждане сходятся в одном: налицо острая потребность жить в лучшем обществе, чем сейчас. Однако ответы на вопросы о конкретных параметрах хорошего и о том, в чьей компетенции находится выбор того, что хорошо для всего российского общества, остаются неоднозначными. Таким образом, ключевыми проблемами конструирования «хорошего общества» в современных российских реалиях являются проблемы выбора того, что конкретно конструировать, и того, кто этим вправе и/или должен заниматься.

Что конструировать?

Для решения этой проблемы представляется конструктивным рассмотреть описанные в научной литературе различные модели и проекты «хорошего общества», в рамках которых предлагаются разные наборы параметров хорошего в социальных масштабах.

Модель У. Липпманна (1937)

У. Липпманн апеллирует к таким социальным механизмам «хорошего общества», как свободный рынок и закон. Его модель ориентирована на ценности свободы (в том числе и свободы от необходимости делать выбор между свободой и безопасностью), гуманности и антиколлективизма. Он полагает, что жестко управляемое общество может быть только бедным и воинственным, а процветающее и миролюбивое общество должно быть свободным [Lippmann 1938].

В своей крупной работе «Предисловие к морали» [Idem 1982] Липпманн попытался сформулировать новую общественную мораль. Критерием добра и зла здесь предстает человеческий опыт, а не божественное откровение. Будучи убежденным скептиком, Липпманн ориентирует политиков на получение таких результатов, которые люди будут считать хорошими, а не на сиюминутные желания населения. Одной из важнейших угроз конструированию «хорошего общества» в данной модели является коллективизм («коллективистская ересь»). Коллективный порядок угрожает свободному рынку и закону. Большинству в целом доверять нельзя, поскольку оно имеет своекорыстные интересы. Однако и концепцию *laissez-faire* Липпманн интерпретирует как ошибочную идею, вводящую в заблуждение современников. Ориентиром в конструировании «хорошего общества» должен служить разум. Таким образом, «хорошее общество» в версии Липпманна – это общество с такой исполнительной властью, которая рациональна и ограничена естественным правом. В «хорошем обществе» логика верховенства человека над человеком побеждается логикой либерализма или «логикой верховенства закона над людьми» [Idem 1938: 342].

Необходимо отметить, что книга У. Липпманна «Хорошее общество» в целом представляет собой эмоциональный критический отклик на «Новый курс» Франклина Рузвельта [Crosskey 1938], по-

этому липпманновская модель «хорошего общества», будучи созданной в определенных культурно-исторических условиях, как минимум по этой причине вряд ли может быть адаптирована к современным российским реалиям.

Модель Дж. К. Гэлбрейта (1996)

Еще одна либеральная модель «хорошего общества» разработана Дж. К. Гэлбрейтом. Эта модель основывается на следующих параметрах: «В хорошем обществе все граждане должны иметь персональную свободу, базовое материальное благосостояние, расовое и этническое равенство, возможность прожить стоящую жизнь» [Galbraith 1997: 4]. Для обеспечения данных условий необходимы определенные уступки и жертвы в секторе реальной экономики, следовательно, решение каждой социальной проблемы (например, проблемы безработицы) требует поиска компромисса, выстраивания системы сдержек и противовесов, отказа от постановки идеальных, недостижимых целей – помочь всем и сразу.

Исследователь убежден в том, что необразованное общество не может быть богатым, поэтому одну из важнейших статей государственных расходов в «хорошем обществе» должны составлять расходы на образование.

В целом «левый» проект Гэлбрейта ориентирован на обеспечение достойных условий существования тем гражданам, которые не могут добиться этого самостоятельно, что позволяет характеризовать его модель «хорошего общества» не только как экономическую, но и как социальную.

Необходимо отметить, что проекты, основанные на либеральных ценностях, в том числе и тех, которые конституируют модель Дж. К. Гэлбрейта, популярны в настоящее время и в России. Однако необходимо учитывать, что концепт «качество жизни», коррелирующий с таким параметром «хорошего общества», как «возможность прожить стоящую жизнь», не совпадает по своему содержанию в США и России.

Модель Л. Кенуорти (2017)

Актуальная либеральная модель «хорошего общества» представлена в онлайн-проекте Л. Кенуорти [Kenworthy 2017a]. Он последовательно рассматривает ключевые ценностно-нормативные

параметры и социальные проблемы, акцентируя внимание на современном американском обществе. Каждый раздел его книги постоянно дополняется, а также может быть прокомментирован пользователем. Ценным представляется использование и уточнение материалов проекта в процессе преподавания профессором Кенурти спецкурсов «Американское общество» и «Хорошее общество» в Аризонском и Калифорнийском университетах.

Л. Кенурти полагает, что «хорошее общество» должно быть процветающим, динамичным, открытым, справедливым, инклюзивным. Основные ценности в таком обществе – демократия, экономическая безопасность, свобода.

Он формирует свой «goodlist», однако обращает внимание на трудноустранимую проблему определения приоритетов: чего в первую очередь следует достигать, а чем можно (по крайней мере, временно) пожертвовать. Например, в условиях террористической угрозы принципиальное значение имеет поиск ответа на вопрос: что важнее – свобода или безопасность? Глобальные экологические проблемы обязывают искать компромиссы между развитием экономики и экологической устойчивостью.

Кенурти считает, что сегодня ученые должны ответить в первую очередь на два вопроса: какая политика наиболее эффективна для достижения «хорошего общества» и какие компромиссы для этого необходимы [Kenworthy 2017b].

На мой взгляд, данный проект представляет собой методологический интерес и имеет практическую целесообразность, в том числе и в контексте российских социальных реалий. Конструирование отечественной модели «хорошего общества» посредством публичного обсуждения и уточнения перечня признаков социально хорошего представляется актуальным и востребованным.

Модель А. Этциони (2002)

Коммунитаристский проект «хорошего общества» в версии А. Этциони основывается на паритете социального порядка и автономии личности. Голос морали – нормативная основа такого общества. «Хорошее общество» базируется на разумном балансе между социальным порядком и индивидуальной автономией, что отчасти решает и проблему признания, и проблему недостаточности социального контроля.

Социальными единицами целостного «хорошего общества» являются не индивиды, а сообщества, которые характеризуются развитыми социальными связями и общностью моральной культуры [Etzioni 2002]. Для достижения упомянутого выше баланса связи в сообществе не должны ограничивать индивида в его творчестве, препятствовать его развитию, и в то же время сложные связи внутри сообщества должны быть сформированы, чтобы предотвратить трансформацию целостного сообщества в совокупность разрозненных самодостаточных индивидов. «Хорошие» социальные связи являются скелетом сообщества и в то же время не разрушают самоидентичность его членов.

Поскольку необходимым условием «хорошего общества» является его достижимость, Этциони утверждает, что в таком обществе невозможно равенство членов, поэтому усилия должны быть направлены «на значительное сокращение неравенства, а не на равенство как конечную цель развития» [Ibid.: 87]. Следовательно, «хорошее общество» ориентировано не столько на обеспечение «базового материального благосостояния» для каждого члена общества, сколько на сокращение разрыва в уровне доходов не только отдельных членов, но и сообществ.

В коммунитаристской модели «хорошего общества» неформальные способы контроля превалируют над формальными, в частности над правом. Члены сообществ в процессе морального диалога (мегалогов) решают проблемные вопросы ценностно-нормативного характера более успешно, чем в условиях внешнего принуждения или понуждения. Любые социальные преобразования должны подкрепляться разделяемыми внутри сообщества ценностями, иначе они не будут популярными. Для этого необходимо, чтобы властная структура общества не препятствовала вступлению в мегалого большинства его членов [Ibid.].

Этциони пишет и о глобальном «хорошем обществе» [Idem 2004], полагая, что таковое возможно при синтезе лучших социальных практик и традиций Востока и Запада. Однако можно предположить, что параметры «хорошего общества» будут отличаться для разных обществ. Об этом в некоторой степени свидетельствуют, например, проблемы протекания процесса евроинтеграции (Brexit, Italeave), а также многочисленные военные кон-

фликты и противостояния в современном мире. В данном контексте небезынтересной предстает философская концепция человечества Вл. С. Соловьева. Рассматривая человечество как антропологический аспект всеединства, он не только не исключает из исследования национальный вопрос, но и акцентирует внимание на национальном бытии как основе существования целостного («хорошего») человечества.

Коммунитаристская модель по ряду параметров когерентна отечественным ценностно-нормативным традициям, таким как коллективизм или общинность, приоритет морали над правом, потребность в поиске хороших ценностей, разделяемых большинством. Однако необходимо упомянуть и об ограничениях применения коммунитаристского проекта к российским социальным реалиям: культура мегалогов в российском публичном пространстве, на мой взгляд, недостаточно высока, для того чтобы можно было говорить о сформировавшемся дискурсе по ряду актуальных ценностно-нормативных вопросов. В ряде случаев плодотворные дискуссии в короткие промежутки времени вырождаются в холивары с активным применением языка вражды. В подобного рода условиях потребность в социальном порядке может превалировать над потребностью в сохранении границ индивидуальной автономии.

Модель В. Г. Федотовой (2005)

Над изучением особенностей российского «хорошего общества» работала группа исследователей из ИФ РАН под руководством В. Г. Федотовой.

Она подчеркивает, что в России существуют духовные основания для развития «хорошего общества», которые не совпадают с таковыми для Запада, но при этом могут обеспечить модернизацию, которая не имеет догоняющего характера [Федотова 2005]. Такие основания представляют собой своеобразный синтез либеральных и коммунитаристских представлений о ценностно-нормативном базисе «хорошего общества». В. Г. Федотова пишет: «Сегодня духовной опорой нашего общества может стать нравственный индивид, являющийся носителем тех норм, которые могут вдохновить других людей и быть институционализированы в обществе. Только на него сегодня остается надеяться, поскольку к нему не потеряно доверие и уважение» [Там же: 84]. В самом деле,

ни свободный рынок, ни исполнительная власть (или иные ветви власти), ни харизматичное сообщество (сообщества) в настоящее время не могут быть названы фундаментом «хорошего общества». В условиях тотального дефицита социального доверия мы сталкиваемся с хаотичным ценностно-нормативным дискурсом, в рамках которого крайне сложно отделить истинные убеждения коммуникантов от информационных вбросов и провокаций. В подобной ситуации представляется актуальным движение от «хорошего человека» к «хорошим институтам», но не наоборот.

Актуальная проблема заключается в соразмерном ограничении разнообразия ценностно-нормативных оснований отечественной модели «хорошего общества». В вопросах критического характера, касающихся российских социальных, политических, экономических, культурных реалий, а также в вопросах чаяния лучшего общества, чем есть сейчас, гражданское единство обнаруживается с завидным постоянством. Однако как только назревает необходимость конкретизации определения хорошего в социальном масштабе, формулирования целей общественного развития, определения параметров общего блага, конституируемое социальное воображаемое разрывается, становится конфликтным и часто непредсказуемым. В подобного рода условиях конструирование модели российского «хорошего общества» и адаптация к социальной действительности существующих моделей представляется архисложной, крайне интересной и востребованной задачей, которая носит междисциплинарный характер.

Итак, вопрос «Что конструировать?» в практической плоскости может быть сформулирован следующим образом: «Каковы цели общественного развития?» или более конкретно: «Какие социальные практики и их ценностно-нормативные основания поддерживать, а какие – игнорировать или исключать?» Ряд параметров, не потерявших актуальности, выделены В. Г. Федотовой: стабильность, безопасность, эффективность и развитие [Федотова 2005: 150–151]. Данные параметры могут быть дополнены таким значимым фактором, как социальное доверие, основанное на солидарности или соборности (в зависимости от убеждений граждан). Более того, представляется обоснованным именно социальное доверие рассматривать как основу, базис системы параметров современного

российского «хорошего общества». Это обусловлено необходимостью обеспечения движения от «хорошего индивида» к «хорошим институтам» и далее – к «хорошему обществу». В отсутствие социального доверия такой переход невозможен, и, к сожалению, возрастает угроза для «хорошего индивида», поскольку «худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15:33).

Кому конструировать или кто вправе и/или должен определять, что хорошо, а что плохо для современного российского общества?

Возможны различные варианты ответа на данный вопрос, каждый из которых может быть подкреплён теоретическими аргументами. В качестве конструкторов могут выступить элита (политическая, бюрократическая или научная), народ, международное сообщество, массмедиа, каждый гражданин, большинство, молодежь и другие.

Детальный анализ перспектив обозначенных вариантов субъектов конструирования российского «хорошего общества» составляет предмет отдельного исследования. В данной статье обозначим только отдельные общие соображения на этот счет.

Расширение публичного пространства, включение в это пространство помимо экспертов, которые традиционно работали с широкой аудиторией (политики, ученые, педагоги, журналисты), представителей различных социальных общностей свидетельствует о необходимости вовлечения максимально широкого круга лиц, которые вправе и/или должны участвовать в дискурсе относительно ценностно-нормативных оснований и целей общественного развития. Однако при этом необходимо учитывать проблему исключенных групп и индивидов. Исключенные группы в контексте данного исследования представляют собой социальные общности, которые не допускаются или допускаются с ограничениями к публичному дискурсу по вопросам ценностно-нормативного характера из-за несоответствия своего поведения социальным представлениям о норме. И если исключение отдельных групп не вызывает возражений (экстремисты, террористы, коррупционеры и иные преступники), то факты исключения таких групп, как маргиналы, представители ЛГБТ-сообщества, инвалиды, национальные меньшинства и дру-

гие, в ряде случаев влекут за собой не только общественные дебаты, но и социальные протесты.

Как отмечает А. Этциони, «учитывая реалии общественной жизни, все сообщества в своей природе имеют серьезный нормативный дефект: они исключают... Однако общество, которое пытается полностью устранить исключения, в значительной степени пренебрегает базовой потребностью человека в социальных связях» [Etzioni 2002: 85]. Следовательно, необходимо акцентировать внимание на поиске критериев исключения, которые не будут препятствовать удовлетворению потребности в социальных связях и в то же время позволят постепенно приближаться к необходимой степени единения по вопросам ценностно-нормативных оснований общественной жизни. Представляется необходимой постановка цели минимизации исключенных групп, ограничение исключения представителями тех общностей, которые имеют откровенно асоциальный характер.

Возможно, необходимо сместить акценты в публичном обсуждении содержательных параметров модели российского «хорошего общества» с обсуждения проблемы, кого исключить из дискурса, на обсуждение вопроса, кого в первую очередь следует привлекать к конструированию модели, к активной работе с преобразованием социального воображаемого. В этом контексте представляется небезынтересным обращение в теории поколений Х. Ортега-и-Гассета. Используя в качестве «шага» период 15 лет, он выделяет следующие возрасты: детство, юность, вступление в жизнь, господство в ней и старость. Ортега-и-Гассет при этом отмечает: «...к подлинной истории относятся лишь два зрелых возраста: вступление в жизнь и господство. Я бы сказал, что историческое поколение живет пятнадцать лет становления плюс пятнадцать лет правления» [Ортега-и-Гассет]. При этом поколение, вступающее в жизнь (30–45 лет), и господствующее поколение (45–60 лет) по ряду вопросов могут иметь разные варианты решения. Первое из упомянутых поколений ориентировано на творческую, инновационную, преобразовательную деятельность, второе – на охранительную, консервативную. Напряженность между двумя обозначенными полюсами представляется перспективной средой для плодотворного дискурса по ценностно-нормативным вопросам. При этом, безусловно, не следу-

ет игнорировать поколения, обозначенные Ортега-и-Гассетом как «юные» и «старые». В отдельных социальных общностях представители именно этих поколений являются ключевыми фигурами в конструировании социального воображаемого. Так, многие ученые, выходя за пределы возраста господствующего поколения, не только не теряют экспертных качеств, но, напротив, являются авторитетными источниками знания. Один из создателей социальной сети *Facebook* Марк Цукерберг стал человеком года, будучи представителем поколения юных. Данная сеть и ее аналоги в настоящее время являются мощными инструментами формирования и трансформации социального воображаемого.

Отдельную проблему представляет вопрос о включении или исключении из публичного дискурса относительно ценностно-нормативных оснований общества поколения детей. Очевидно, что проблема актуальна только для тех, кто приближается по возрасту к верхней границе поколения, то есть к 15 годам. На мой взгляд, самостоятельная верификация ценностей и норм молодежью – далеко не самый конструктивный вариант общественного воспроизводства. Несмотря на то что в настоящее время мы можем говорить об определенных преимуществах «цифровых аборигенов» над «цифровыми мигрантами», не следует игнорировать и проблему инфантилизации общества, осознанного или неосознанного «затягивания» детского возраста. В любом случае, возлагая особые надежды на зрелые поколения, не следует ограничивать возможности активных представителей иных поколений в конструировании российского «хорошего общества».

Итак, конструирование и адаптация «хорошего общества» – задача каждого, кто может и хочет улучшить общество, меняя к лучшему в первую очередь самого себя.

Литература

Ортега-и-Гассет Х. Метод поколений в истории: из цикла лекций «Вокруг Галилея» [Электронный ресурс]. URL: http://gondolier.ru/109/109ortega_1.html (дата обращения: 07.04.2017).

Федотова В. Г. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2005.

Crosskey W. W. Book Review (Reviewing Walter Lippmann, *The Good Society* [1937]), 5 *University of Chicago Law Review*. 1938 [Электронный

ресурс]. URL: http://chicagounbound.uchicago.edu/journal_articles/index.9.html (дата обращения: 15.03.2017).

Etzioni A. The Good Society // *Seattle Journal of Social Justice*. 2002. Vol. 1. Issue 1. Pp. 83–96.

Etzioni A. Wie eine gute globale Gesellschaft entsteht // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2004. No. 2. S. 12–30.

Galbraith J. K. *The Good Society: The Humane Agenda*. Boston; New York, 1997.

Kenworthy L. The Good Society. 2017a [Электронный ресурс]. URL: <https://lanekenworthy.net/thegoodsociety/> (дата обращения: 27.03.2017).

Kenworthy L. «What is a Good Society?» // *The Good Society*. 2017b [Электронный ресурс]. URL: lanekenworthy.net (дата обращения: 27.03.2017).

Lippmann W. *An Inquiry into the Principles of the Good Society*. Boston : Little, Brown & Co., 1938.

Lippmann W. *A Preface to Morals*. News Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 1982.